

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

ВИКТОРИЯ СЕРДЕЧНАЯ

Виктория Сердечная

Золотая клетка

<https://litres.ru/74093446>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ему восемнадцать, он виолончелист. Она — дочь человека, чьи деньги управляют половиной страны, которая не верит в любовь. Смогут ли они быть вместе? Закрытая академия "Золотая клетка" в это время живет по своим законам. А когда студенты начинают исчезать, то становится ясно: эта клетка хранит тайны.

Содержание

Знакомство	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктория Сердечная

Золотая клетка

Знакомство

Глава 1. Чёрный конверт

Чёрные конверты не приходят к счастливым людям.

Арсений понял это в восемь лет, когда увидел такой в руках матери. Она стояла в прихожей их старой квартиры на Садовой, прижав ладонь к губам — тонкие пальцы дрожали, как осенние листья на ветру, — а потом медленно, бесшумно осела на пол, будто из неё разом вынули все кости. В том конверте было извещение о смерти отца. С тех пор он чувствовал запах чёрной бумаги за версту, горький и сладковатый одновременно, как палёный сахар или как духи, которыми пользуются слишком пожилые женщины, пытаясь заглушить запах старости. Этот цвет ассоциировался у него со звенящей пустотой, которая наступает, когда ты понимаешь, что один человек исчез из твоей жизни навсегда и никакие молитвы, слёзы или детские обещания «я буду хорошо себя вести» его не вернут. Поэтому сейчас, держа в руках второй в своей жизни чёрный конверт, он медлил. Крутил его в пальцах — длинных, музыкальных, как говорила мама, унаследованных от отца вместе с фамилией Соболев и привыч-

кой сутулиться за инструментом. Он разглядывал монограмму на плотной матовой бумаге: две буквы, «З» и «К», сплетённые в строгую готическую вязь. Конверт был тяжёлым на ощупь, будто в нём лежала вся его судьба. За окнами его комнаты шумел вечерний город. Москва жила своей обычной жизнью: трамваи звенели на поворотах, где-то далеко, на Тверской, ревели двигателями вечные пробки, из открытого окна напротив доносился чей-то смех — лёгкий, девичий, перемежающийся с обрывками музыки. Арсений различал ноты: кто-то включил старую запись, кажется, Шопена, ноктюрн номер два, ми-бемоль мажор. Он знал этот ноктюрн наизусть, играл его на виолончели в прошлом году на отчётном концерте. Тогда ему аплодировали стоя, а сейчас он сидел на подоконнике, смотрел, как в соседнем окне гаснет свет, и не мог заставить себя разорвать чёрную бумагу.

Он вскрыл конверт.

Внутри, как он и ожидал, оказался лист плотного кремового картона — благородная фактура, которая чуть пружинила под пальцами, как клавиша рояля. Золотые буквы складывались в короткий текст: *«Арсений Иванович Соболев. Вы зачислены в Академию Золотая клетка. Занятия начинаются первого сентября. Явка обязательна. Отказ не предусмотрен».*

Внизу — подпись. Размашистая, с резким наклоном влево, словно человек, который её ставил, был зол, спешил или не привык к тому, что его решения оспариваются. Росчерк

переходил в нечто похожее на птицу. «Директор». Без фамилии. Арсений перечитал текст трижды, потом отложил картон на стол, прямо поверх разбросанных нотных листов, и уставился в потолок. Там, на старом лепном медальоне — ещё дореволюционном, потрескавшемся от времени, но всё ещё хранящем следы былой красоты, — темнела извилистая трещина. В детстве он думал, что она похожа на реку, сейчас же она казалась ему шрамом на теле дома, который видел многое: рождения, смерти, отъезды, возвращения. И вот теперь — чёрный конверт, который должен был изменить всё. «Золотая клетка». Он слышал это название несколько раз в жизни. Обрывками, шёпотом, в курилке музыкальной школы, куда он выходил не курить, а просто постоять у окна и послушать разговоры старшеклассников. Те говорили о «Клетке» с особой интонацией — смесью зависти и страха, как говорят о месте, куда все хотят попасть, но никто не хочет оказаться запертым. Закрытый пансион где-то далеко от Москвы, среди карельских скал и ледяных озёр. Элитное учебное заведение для детей, чьи фамилии никогда не появляются в новостях, но чьи родители управляют страной. Место, куда попадают только по личному приглашению — и откуда не выходят до самого выпуска. Буквально не выходят: на территорию не ступает нога постороннего, студенты не ездят домой на каникулы, связь с внешним миром отсутствует полностью. Никаких телефонов, никакого интернета, никаких писем без цензуры. Полная изоляция и абсолютная тишина.

Арсений не понимал, зачем он им. Да, он был талантлив — этого не отнимешь. Его виолончель пела так, как поют только старые инструменты, впитавшие в себя души прежних владельцев. Да, он выиграл несколько конкурсов — городских, областных, один международный, но он не был ничьим сыном. Его мать работала в районной библиотеке, где пахло пылью и старыми переплётами. Отец, пока был жив, работал настройщиком роялей — приходил в чужие дома, открывал крышки инструментов и заставлял их звучать правильно. Ни связей, ни денег, ни громкого имени. Только талант и чёрный конверт, который лежал сейчас на столе как чужая вещь, случайно попавшая не в те руки.

Он сложил картон обратно в конверт и убрал в ящик стола, подальше от глаз. До сентября оставалось две недели. Две недели, чтобы попрощаться с городом, с мамой, с привычной жизнью, которая, как он теперь понимал, была не такой уж и плохой. Просто он этого не замечал. Вечером он сел за виолончель. Инструмент, старый, с тёмным лаком и стёртыми от времени колками, отозвался на прикосновение знакомой вибрацией. Арсений провёл смычком по струнам — низкий, бархатный звук заполнил комнату. Он играл Баха, и ему казалось, что трещина на потолке становится чуть менее глубокой, а чёрный конверт в ящике стола чуть менее страшным, но это было лишь иллюзией, и он знал это.

Глава 2. Дорога

Автобус был один.

Он стоял на пустой парковке у станции метро «Девятино» — там, где заканчивалась цивилизация и начиналась тёмно-синяя, почти чёрная, с тонированными стёклами промзона. Ни номера маршрута, ни таблички с пунктом назначения, ни логотипа перевозчика. Просто автобус, который выглядел так, будто сошёл с конвейера где-то в Европе и никогда не видел российских дорог. Он стоял на потрескавшемся асфальте, окружённый лужами от вчерашнего дождя, и ждал. Арсений подошёл к нему, чувствуя, как чехол с виолончелью оттягивает плечо. Прохожих почти не было — только редкие собачники выгуливали своих питомцев вдоль гаражей. Он поравнялся с водительской дверью и неуверенно кашлянул. Стекло опустилось с тихим электрическим жужжанием. Водитель — немолодой мужчина с седыми висками, в строгой тёмно-серой форме, напоминавшей скорее униформу частного охранного предприятия, — молча посмотрел на него.

— Я Соболев, — сказал Арсений. — У меня письмо.

Он протянул конверт. Водитель — его лицо ничего не выражало, ни приветливости, ни враждебности, — взял конверт, изучил монограмму, кивнул.

— В салон. Вещи в багажное отделение.

— У меня инструмент. Виолончель. Мне нужно, чтобы она была в салоне.

Водитель помолчал. Что-то мелькнуло в его глазах — не раздражение, скорее тень понимания.

— Проходите. Инструмент с собой.

Дверь автобуса открылась с мягким шипением. Арсений шагнул в салон. В нем пахло дорогим кондиционером и кожей. Кресла — высокие, с подголовниками, обитые светло-серой тканью, — были расставлены редко, как в бизнес-классе самолёта. В салоне уже сидели трое. Первой, на кого упал взгляд, была девушка. Она сидела у окна слева, поджав ноги, и читала книгу в мягкой обложке. Светлые волосы собраны в небрежный пучок, на носу — очки в тонкой золотой оправе. Она казалась погружённой в чтение, но, когда Арсений проходил мимо, на секунду подняла глаза. Они оказались странного, почти янтарного цвета — как тёплый мёд или как застывшая смола. Она тут же вернулась к книге, и Арсений успел заметить название: «Грозовой перевал». Бронте. Странный выбор для поездки в изоляцию. Дальше, через два ряда, сидел парень, откинувшись в кресле и закрыв глаза. Полная противоположность Арсению: светлые, почти белые волосы, зачёсанные назад, дорогой спортивный костюм, беспроводные наушники в ушах, а на запястье часы такой толщины, что ими можно было убить. Третий пассажир был в самом конце салона, у противоположного окна. Тоже парень, примерно его возраста, но выглядевший старше из-за резких, словно вырубленных из камня черт лица. Тёмные волосы, короткая стрижка, простая одежда. Арсений выбрал место через ряд от него, пристроил виолончель в соседнее кресло и пристегнулся.

Автобус тронулся.

Они ехали молча. Каждый был погружён в свои мысли, которые, казалось, можно было потрогать руками — настолько плотной была тишина в салоне. Город уплывал назад: спальные районы с их однотипными панельками, торговые центры, заправки с яркими вывесками. Постепенно дома становились ниже, реже, а потом исчезли совсем. Начались смешанные леса Подмосковья, но чем дальше они ехали, тем выше и мрачнее становились деревья. Берёзы уступили место соснам, затем ели стали взбираться на скалы, и вот уже дорога превратилась в серпантин, вьющийся вдоль берега озера. Огромного, тёмного, как расплавленная ртуть. Вода казалась неподвижной, но Арсений знал: это обман зрения. Глубина всегда скрывает движение. Солнце клонилось к закату. Оно пробивалось сквозь кроны деревьев тёплыми, золотыми лучами, которые отражались в воде и дробились на тысячу осколков. Было красиво до боли — так красиво, что хотелось зажмуриться. Автобус сделал последний поворот, и на другом берегу озера, на фоне закатного неба, выросла она. «Золотая клетка». Главный корпус выглядел массивным и очень внушительным. Его выстроили из тёмно-серого гранита, а узкие стрельчатые окна в лучах заката отливали золотом. С одной стороны он напоминал готический собор, с другой — древнюю крепость. По бокам к нему примыкали два длинных крыла, соединённые стеклянными галереями. За ними угадывались ещё постройки: купол оранжереи, ост-

рые шпили ещё одного корпуса, какая-то башня с часами. И надо всем этим, нависая над академией, как молчаливый страж, возвышалась скала — серая, замшелая, отвесная. Казалось, что она вот-вот обрушится и поглотит всё, но она стояла так уже сотни лет и, наверное, простоит ещё столько же. Территория была обнесена настоящей каменной стеной высотой метра в три, с коваными воротами, над которыми вилась всё тот же вензель: «З» и «К», переплетённые в золотую вязь. Ворота были открыты. Арсений подумал, что в средневековье такие стены строили вокруг замков, чтобы держать врагов снаружи. Автобус затормозил у ворот. Водитель обернулся — впервые за всю дорогу он посмотрел прямо на пассажиров, и взгляд у него был странно предупреждающим.

— Приехали, — сказал он. — Вещи оставьте у входа, их доставят в комнаты. Вас ждут.

Арсений взял виолончель, поднялся с кресла и вышел из автобуса. Воздух ударил в лицо — холодный, чистый, пахнувший хвоей, водой и ещё чем-то, что он не мог определить. Какой-то сладковатый аромат, который висел над озером тонкой дымкой. Он вдохнул полной грудью и вдруг понял: так пахнет тишина. Абсолютная, полная тишина, которой он никогда не знал в городе. Он поднял голову и посмотрел на главный корпус. Окна горели золотом. Где-то там, за этими стенами, его ждал последний школьный год. И он шагнул за ворота.

Глава 3. Внутри

Кованые ворота закрылись за его спиной с тихим, но каким-то очень окончательным звуком. Арсений обернулся и увидел, как створки смыкаются, и монограмма «ЗК» на них складывается в единое целое. Автобус уже разворачивался на площадке перед воротами, чтобы уехать обратно в город, к шуму, к связи, к обычной жизни. К той жизни, которая теперь была для него закрыта. Он проводил его взглядом, чувствуя странную смесь тоски и облегчения. Территория академии поражала воображение. Это был ландшафтный шедевр, созданный, казалось, не человеческими руками, а самой природой, которую лишь слегка подправили. Дорожки, вымощенные серым камнем, вились между вековых сосен, чьи стволы были толщиной в два обхвата. Кое-где из земли выступали гранитные валуны, поросшие серебристым мхом, и Арсений подумал, что они здесь не для красоты — их просто невозможно было убрать, настолько глубоко они росли в скалу. Газоны были подстрижены с идеальной точностью, но кое-где среди травы пробивались дикие цветы — лютики, колокольчики, какие-то мелкие белые звёздочки, названия которых он не знал. Они качались на ветру, и в этом было что-то трогательное, почти беззащитное. Он шёл по центральной аллее к главному корпусу, прижимая к боку футляр с виолончелью. Главный вход оказался огромным — высокая двойная дверь из тёмного дерева, украшенная резьбой. Арсений присмотрелся: резьба изображала змей, обвивающих стволы деревьев. Или, может быть, это были не змеи,

а реки или ленты. Глаза путались, не могли ухватить суть узора. Он скользил, уводил в сторону, как оптическая иллюзия. Арсений тряхнул головой и вошёл внутрь. Холл главного корпуса поражал размерами. Потолок терялся где-то в полумраке, а стены были облицованы тёмным деревом с вкраплениями перламутра. Слева уходила вверх широкая лестница с коваными перилами, справа располагалась стойка охраны — строгий мужчина в той же тёмно-серой форме, что и водитель, — а прямо, в центре холла, стояла женщина.

Она была высокой, статной, одетой в брючный костюм, который сидел на ней как влитой. Волосы — тёмные, с проседью, — собраны в строгий узел на затылке. Лицо было бы красивым, если бы не холодное, оценивающее, с лёгкой тенью брезгливости выражение, из-за которого складывалось впечатление, что она смотрела лишь на экспонаты, которые нужно рассортировать.

— Добрый вечер. Я Маргарита Павловна, заместитель директора по воспитательной работе. Прошу сдать телефоны, планшеты и любые другие устройства связи. Если у кого-то найдут телефон позже, он будет конфискован, а студент получит наряд вне очереди. Правила здесь простые, и они не обсуждаются.

Она говорила монотонно, как запись, которую прокручивают в сотый раз. Чувствовалось, что этот текст она произносит каждый год и он ей смертельно надоел, но при этом ни одной ошибки, ни одной запинки.

Студенты по очереди подходили к стойке, выкладывали телефоны. Девушка с «Грозовым перевалом» достала из кармана старый, потёртый айфон и положила его в пластиковый лоток с таким видом, будто расставалась с чем-то очень личным. Светловолосый парень выложил сразу два телефона и смарт-часы — молча, без комментариев. Темноволосый парень, который шёл последним, вынул из кармана простой кнопочный телефон и аккуратно поместил его в лоток. Арсений, подойдя к стойке, достал свой смартфон — обычный, старый, с треснутым экраном, — и положил поверх остальных.

— Благодарю, — холодно кивнула Маргарита Павловна. — Теперь пройдите в актовЫй зал для приветственной речи директора. Ваши вещи уже доставлены в комнаты. Номера комнат вы найдёте на информационной доске после ужина.

Она повернулась и пошла куда-то вглубь холла, и её каблукИ застучали по деревянному полу, как метроном. Арсений проводил её взглядом и вдруг заметил странную вещь: стук каблуков стих прежде, чем она скрылась из виду, словно звук поглотили стены. Актовый зал находился на первом этаже, в левом крыле, и был он под стать остальной академии: мрачноватый, роскошный, с высокими стрельчатыми окнами и люстрой, похожей на перевернутую корону. Кресла были обиты красным бархатом — старым, чуть вытертым, но всё ещё величественным. На сцене стояла трибуна, а за ней висел огромный портрет человека, которого Арсений

не знал. Строгое лицо, тёмные глаза, седые волосы. Основатель? Первый директор? Меценат? Кто-то, кто создал это место и, возможно, заложил в него все его странности. Студентов оказалось больше, чем он думал. В зале сидело около тридцати человек — юноши и девушки, все примерно одного возраста, последний класс. Они сидели группами, полукругом, и перешёптывались. Арсений заметил, что некоторые из них явно знакомы друг с другом — возможно, учились здесь раньше? Или встречались в летних лагерях для одарённых? Он не знал, но чувствовал себя чужим. Единственным, кто попал сюда случайно. Он сел в третьем ряду, с краю, чтобы в случае чего можно было незаметно выйти. Виолончель поставил у кресла, придерживая рукой. Через несколько минут рядом с ним опустилась на соседнее кресло та самая девушка, которую он видел раньше. Она села, поправила очки и, не глядя на Арсения, тихо сказала:

— Вам идёт ваша виолончель. Вы с ней как одно целое.

Он опешил. Не ожидал, что она заговорит первой. Да и вообще не ожидал, что кто-то здесь будет говорить с ним.

— Спасибо, — пробормотал он. — А Вы... Вы музыкант?

— Пианистка. Не очень хорошая, но достаточно, чтобы попасть сюда.

— Я слышал, что сюда попадают только лучшие.

— Значит, я лучшая, — она пожала плечами, и в этом жесте было что-то очень спокойное, очень уверенное, но без самодовольства. Просто констатация факта.

Она назвала своё имя — Анна, — и Арсений почему-то запомнил этот момент навсегда. Как она сидит в кресле, положив книгу на колени, как поправляет очки, как смотрит на него — не оценивающе, а с интересом, как будто он был не просто ещё одним студентом, а загадкой, которую ей хотелось разгадать. На сцене появился директор. Он вошёл бесшумно — Арсений даже не заметил, откуда именно, — и встал за трибуну. Это был высокий, сухощавый человек лет шестидесяти, с бледным, почти восковым лицом и тёмными, глубоко посаженными глазами. Одет он был в тёмно-серый костюм, который сидел на нём идеально. Серебристые волосы были зачёсаны назад и блестели в свете люстры. Когда он заговорил, его голос оказался тихим, но при этом проникал в каждый угол зала. Он не кричал, не повышал тона — просто говорил, и все затихали.

— Добро пожаловать в Академию «Золотая клетка», — произнёс он. — Вы элита. Вы — лучшие. Вы — те, кому предстоит управлять страной, создавать искусство, двигать науку. Здесь, в этих стенах, вы получите всё, что нужно для будущего. Но запомните одну вещь.

Он сделал паузу, обводя глазами зал. Его взгляд на секунду задержался на Арсении — или тому показалось?

— «Золотая клетка» остаётся золотой ровно до тех пор, пока вы соблюдаете её правила. Правила просты: не покидать территорию, не пользоваться связью, не задавать лишних вопросов. За нарушение — исключение. А исключённые

отсюда не возвращаются. Никогда.

Он улыбнулся — тонкой, бескровной улыбкой, которая совершенно не сочеталась с его словами. И от этой улыбки Арсению стало холодно, словно кто-то провёл ледяным пальцем по позвоночнику.

— А теперь — добро пожаловать домой.

Директор сошёл с трибуны и так же бесшумно исчез за кулисами. В зале повисла тишина, потом кто-то захлопал, и аплодисменты покатались по залу — жидкие, неуверенные, быстро стихшие. Студенты начали подниматься с мест, обсуждая услышанное, и только Арсений продолжал сидеть, глядя на то место, где только что стоял директор.

— Странный он, — тихо сказала Анна. — За все годы учебы здесь не слышала таких откровенных речей. — она тоже не встала.

— Очень.

— И эта фраза: «Не задавать лишних вопросов». Что считается лишним вопросом?

— Думаю, любой, ответ на который им не понравится.

Анна посмотрела на него — долгим, изучающим взглядом. Потом кивнула. И в этом кивке было что-то такое, отчего Арсений вдруг понял: она тоже чувствует. Также понимает. И, возможно, станет единственным человеком в этой клетке, с кем можно будет говорить.

Глава 4. Соседи

После ужина он проходил в огромную столовую с витраж-

ными окнами, где подавали не просто еду, а какие-то кулинарные изыски, от которых Арсений, привыкший к маминым котлетам и гречке, слегка растерялся, — студенты разбрелись по своим комнатам, которые находились в правом крыле, на втором и третьем этажах. Арсений шёл по длинному коридору, застланному ковровой дорожкой тёмно-бордового цвета, и разглядывал двери. Каждая была украшена табличкой с номером, но их было больше, чем комнат, — он заметил, что некоторые цифры пропущены. Возможно, за этими дверями находились не жилые помещения, а что-то другое. Что именно — ему пока не полагалось знать.

Его комната оказалась в конце коридора, под номером 217. Он толкнул дверь и вошёл.

Комната была маленькой, но уютной: светлые стены, окно с тяжёлыми шторами, письменный стол, шкаф для одежды, узкая кровать, застеленная белоснежным бельём. На кровати уже лежал его чемодан, на столе — стопка учебников и расписание на завтра. В углу комнаты, у окна, стоял стул. Арсений поставил рядом с ним виолончель — она встала идеально, как будто это место было создано именно для неё. Он подошёл к окну и отдернул штору. Вид открывался потрясающий: озеро внизу, закат над ним, сосны, чёрные на фоне оранжевого неба. И где-то далеко, на другом берегу, крошечные огоньки — деревня или посёлок, в котором жили обычные люди. Он отвернулся от окна и начал разбирать вещи. Через несколько минут в дверь постучали. Он открыл — на

пороге стоял тот самый темноволосый парень из автобуса. Вблизи его лицо казалось ещё более резким, скульптурным, словно вырезанным из тёмного дерева с какой-то странной, суровой красотой.

— Твоя виолончель, — сказал он, и его голос оказался ниже, чем ожидал Арсений. — Я слышал, как ты играл на концерте в прошлом году. В Московской консерватории. Ты играл Шостаковича. Первый концерт.

Арсений уставился на него. Он действительно играл Шостаковича в прошлом году на конкурсе, но не помнил этого парня в зале.

— Ты был там?

— Да. Я стоял в конце зала. Меня не пускали в партер — не было билета. Но я слышал. У тебя странная техника: ты держишь смычок чуть выше, чем рекомендуют, но звук от этого становится более... живым. Более тёплым.

— Ты виолончелист?

— Был. Пока не сломал руку. Теперь я композитор.

— Руку сломал? Как?

Парень помолчал. Его лицо дрогнуло — едва заметно, но Арсений уловил.

— Несчастный случай, — сказал он коротко.

— Я Лев. Моя комната рядом.

— Арсений.

— Я знаю. Здесь все знают всех. Информация — единственная валюта, которая здесь работает.

Он развернулся и ушёл, закрыв за собой дверь. Арсений остался стоять посреди комнаты, глядя на закрытую дверь. Странный парень. С одной стороны — резкий, почти грубый, с другой — он говорил о его игре так, как говорят только те, кто действительно понимает. Он лёг в кровать и долго не мог уснуть. В комнате было слишком тихо после московского шума. Даже ветер за окном стих, и сосны стояли неподвижно, как стражи. Он слушал тишину и думал о том, что сказал директор. Ему казалось, что он попал в игру, правил которой не знает, и пока не понимал, проигрывает или выигрывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.